

УДК 316.323.6:327.2

ПОНЯТИЕ «ЭКСПАНСИЯ» И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ИМПЕРСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

© 2011 г. И. И. Rogov

Северо-Кавказская Академия государственной службы (СКАГС), г. Ростов-на-Дону

В статье анализируется содержание понятия «экспансия», а также его применимость к анализу социально-политических систем, в частности, систем имперских. Приведены и проанализированы некоторые примеры из истории, иллюстрирующие неоднозначность содержания данного понятия. Сделан вывод о тесной взаимосвязи экспансии и гегемонии как социальных процессов.

Ключевые слова: экспансия; гегемония; империя; геополитика; концепция «вызова-ответа».

This article analyzes the content of such notion as «expansion», as well as its applicability to the analysis of social and political systems, in particular, the empires' social systems. Some historical examples, which illustrate the ambiguity of this notion's content, are also presented and analyzed. It's concluded that the expansion and the hegemony (as social processes) are related closely.

Key words: *expansion; hegemony; empire; geopolitics; «challenge-response» concept.*

Среди различных социально-политических систем, формировавшихся на протяжении исторического процесса, специфическую нишу как в плане структурной организации, так и в качестве общественного отношения, занимают имперские системы. При попытках определить их социальную сущность, исследователи, принадлежащие порой к противоположным научным школам, сходятся во мнении, что империям характерна экспансия. Следует потому рассмотреть, что представляет собой этот феномен.

Имперская экспансия для многих, особенно в рамках обыденного сознания, есть стержневой элемент понимания империй, наиболее употребимое клише. Но если поставить себе цель детального изучения этого феномена, сталкиваешься с тем, что «экспансия» сама по себе — достаточно одномерное понятие, слабо отражающее ту социальную реальность, для описания которой оно введено в научный оборот, а «имперская экспансия» — и подавно. С научной точки зрения не существует никакой специфической им-

перской экспансии. Даже наиболее последовательные апологеты «открытого общества» и критики имперских систем на вопрос о ней сведут свои объяснения к трюизму: имперская экспансия — самая ужасная (бесчеловечная) экспансия из всех существующих. Экспансия Абсолютного Зла. Всем экспансиям экспансия.

Рассматривая, что есть «экспансия», следует вспомнить, что эта категория — одна из главных в геополитике. По сути, все работы по геополитике вращаются вокруг экспансии того или иного вида. Традиционно под экспансией эта научная дисциплина понимает прежде всего территориальные приобретения и установление военно-политических сфер влияния, а также деятельность в данном направлении [5]. Тем не менее «экспансия» как категория несамостоятельна, но является производной от понятия «государственные интересы», терминологической характеристикой развития дурной бесконечности. Зачастую её понимают как синоним военной экспансии, но это не совсем так. Отсутствие

необходимых природных и людских ресурсов, а так же «пораженческие» настроения в политической культуре могут серьёзно ограничить военный аспект и заменить его миссионерской деятельностью или «пропагандой образа жизни». Возможен и симбиоз указанных процессов. Как социальное явление экспансия перманентна, что роднит её не только с геополитикой, но и с социал-дарвинизмом. Важно понимать, что категория «экспансии», столь часто идентифицируемая с империей, сама по себе бедна. Пустая категория, всегда проводящая те смыслы, что вложены умонастроениями эпохи, фобиями масс и интересами политических элит. Если мы заменим её термином «расширение», то несамостоятельность данного понятия будет особенно очевидна. Какое расширение? Куда? С какими целями? Если расширение во имя расширения, это — пример империи Александра Македонского: распад сразу после смерти создателя.

Всё же нельзя так просто откинуть проблему, столь идеологически важную при анализе динамики развития социальных систем. Посмотрим же, что это такое с точки зрения теории власти, особенно для империи. Отвечая на центральный вопрос имперской кратологии — специфична ли империя как форма властвования или все разговоры об этом — пустые домыслы, автор статьи рискнёт утверждать следующее. Комплекс имперских методов — создание коммуникаций и контроль за ними, создание клиентельных и буферных государств и лимитрофных зон, т. е. весь арсенал геополитики используется империей так же, как если бы использовался любым иным государством. Но в силу больших возможностей — объёма ресурсов и уверенности в божественности своего промысла (самолегитимации), имперская политика выглядит масштабнее и монументальнее. Некоторые же методы и более — формы состояния власти — являются показателем имперской внешней политики. Это экспансия, ведущая к возможной гегемонии.

Экспансия суть распространение чего-либо, в сфере политики — влияния государства за первоначальные пределы; а именно: политического, экономического и культурного влияния. Суть экспансионизма проста:

подчинить весь мир себе, сообразовать его по своему образу и подобию, по своей, как принято выражаться в наше время, социокультурной матрице. О том, что экспансия не есть атрибут политического, утверждают исключительно лицемеры или наивные моралисты. Не все субъекты политики осуществляют экспансию: многие защищаются от неё. Экспансия как действие требует ресурсов, и те, у кого этих ресурсов не хватает, занимаются очернением как самого принципа, так и его конкретных исполнителей.

Хотя сам термин используется для обозначения агрессивного переустройства мира, то, что в сфере политического выглядит столь отталкивающе, в частной жизни суть повсеместная борьба за существование. Экспансия неотъемлема для каждого живого существа, для групп и организаций живых существ.

Империя как субъект, обладающий большими ресурсами, вызывает страх и зависть со стороны *orbis terrarum*. Все те, кто ещё не входят в империю, могут империю игнорировать, пока она экспансию не осуществляет. Но проблема как раз и заключается в том, что, по распространённому мнению, империя осуществляет экспансию всегда. В первую, главную и единственную очередь, военную. Особенно в глазах тех исследователей, кто по политическим причинам настроен против империй. В указанной позиции присутствует значительная доля истины: империя, вообще не осуществляющая экспансию, — империя только по названию. Остановка экспансии — утрата империи. Но имперская экспансия не сводится исключительно к военной. Те империи, которые сконцентрировались только в военной сфере, быстро развалились. Их обычно называют империями варваров. Любая стабильно существующая империя, скреплённая идеологическим обоснованием, осуществляет в первую очередь экспансию цивилизационную, ибо последняя выполняет функцию легитимации имперской идеи среди окружающих империю варваров.

Такая экспансия хорошо укладывается в концепцию «вызова-ответа», когда универсальное имперское государство в процессе ответа переводит себя в более сложное состояние социальной структуры.

В концепции Тойнби экспансия-ответ

проявляется как превращение «внутреннего творческого импульса» имперской идеи во внешний фактор развития [3]. Социальной теории только предстоит разработать теорию имперской экспансии-ответа. Принимая в целом концепцию «вызовов-ответов», стоит, думаю, абстрагироваться если не от всех, то от многих конкретных вызовов, описанных Тойнби. Вызовы, встающие перед империей, отличаются от своих цивилизационных аналогов хотя бы потому, что империя — институционально оформленное бытие цивилизации.

«Признав, что формула «чем тяжелее удар, тем сильнее стимул» и есть истинный исторический закон, мы должны быть готовы принять и следствие из него, согласно которому милитаризм сам по себе является источником творческой энергии», — пишет Тойнби в своём «Постижении истории» [4]. Тойнби различает стимул ударов и стимул перманентного давления, и оба они развивают движущие силы империиобразующего суперэтнуса, называемые экспансией...

Что обуславливает движение экспансии? Вызовы окружающей среды. Но каковы направления её развития? Империя редко расширяется в сторону наибольшего вызова. Чаще имеют место фланговые манёвры.

Рассмотрим некоторые исторические примеры. Российская империя на протяжении всего времени своего существования испытывала вызов со стороны Запада — сначала Речи Посполитой, затем Франции, затем Германии. Движущими силами экспансии на восток побывали все континентальные державы. Но даже после сокрушительных российских ответов — присоединения Польши, занятия Парижа, взятия Берлина, империя отходила к своим границам. Даже окончательно урегулировать польский вопрос не смогла. Концентрация сил на Западе была слишком велика. Тогда как на Восток империя продвигалась сравнительно быстро.

Помимо культурных, технологических и цивилизационных причин направление экспансии объясняется структурированием геополитического поля. Наличием или отсутствием вакуума власти. Именно в зоны вакуума власти обращено основное направление имперской экспансии.

Европа пыталась решить другую дилемму. Достигнуть Индии и Китая можно было либо пройдя сквозь Великую Степь, либо сквозь страны ислама — то есть территории, полностью контролируемые недружественными режимами. За исключением периода господства Монгольской империи, с которой Генуя установила достаточно близкие торгово-дипломатические отношения. Европейская цивилизация, зажата в западных фьордах Евразии, вдали от столбовой дороги мировой цивилизации, не имела иной альтернативы, как осваивать холодную северную Атлантику. Долгие столетия занятие это рассматривалось как абсурдное, но наступил момент, когда история предоставила Западу свой шанс. Когда европейцы познакомились с восточной системой мореплавания — кораблями, компасом, астрологией, и усовершенствовали её, Атлантика перестала восприниматься как непреодолимая преграда. На протяжении последующих двух-трёх столетий она была всё ещё слишком громадна, чтобы осуществлять полномасштабную экспансию, но достаточно невелика, чтобы корабли эпохи Елизаветы Английской, Генриха Наваррского, Сулеймана Великолепного и Ивана Грозного могли достаточно легко его пересечь. Корабли Запада.

Иная ситуация сложилась на Дальнем Востоке. Золотой флот Чжэн Хэ впус- тую растрачивал государственные средства в плаваниях к Индии и Африке. Ни коммерческого успеха, ни подчинения территорий, омываемых Индийским океаном, достигнуть не удалось. А плавание навстречу восходу технически было намного сложнее колумбовой экспедиции. Тихий океан, вдвое шире Атлантики, представляет собой больший вызов. Экспедиция к берегам Америки казалась правительству империи Мин чересчур непредсказуемым предприятием. Да и не нужна она была: богатства в стране было в избытке и китайцы всё чаще требовали формальной покорности своему императору. Так экономика, техника и география определили тот факт, что именно западноевропейцы, а не самые искусные мореплаватели XV века — китайцы — открыли, разграбили и колонизировали Америку. Китайские моряки были не менее отважны, чем испанцы, столь же неустра-

шими, как британцы, но именно европейцы, а не китайцы, завоевали Америку, потому что европейцам для этого надо было проделать путь в два раза короче. Чаша весов качнулась не в пользу Поднебесной.

Страны Европы не смогли в прямом столкновении крестовых походов сокрушить исламский мир и за века колониальной экспансии обошли его с флангов. Установив господство в Индии и Индокитае, колониальные империи Британии и Франции разделили исламский мир, а подчинив центральную Африку, зажали страны Магриба в кольцо анаконды. Следствием стали, пусть и недолгие, колонизация Алжира, протекторат над Месопотамией, «опиумные войны» и нищета когда-то гордой Поднебесной на протяжении почти всего XX века.

Успешная экспансия предполагает стратегию не прямых действий. Либо географическую возможность обогнуть геополитических конкурентов, либо непосредственный вакуум власти, о котором говорилось только что.

В предисловии к книге, выпущенной в ознаменование двух веков работы Британского Общества по распространению Евангелия (1701–1900 гг.), помещено следующее заявление: «После того, как было выражено столько радости и ликования по поводу расширения Империи, кажется уместным представить публике духовную сторону имперского щита, показав, таким образом, что было сделано для построения Империи на более прочном и надежном основании» [6]. Приведённые слова — вовсе не прикрытие империалистических планов по угнетению трудящихся, как воспринимали ситуацию революционеры-современники. Налицо проявление осознанной необходимости стабилизации завоёванных пространств, приведение империи сначала к унифицированной версии контроля, а затем к централизованному управлению, учитывающему периферийную (региональную, федеративную) специфику.

Экспансия суть атрибут империи, и универсальность этого атрибута есть показатель успешности имперской модели. Высшая форма проявления экспансии — создание иллюзии в обратном. Сколько аналитики и публицистики, сколько научных трудов посвящено обсуждению того, что глобали-

зация, распространяющая «универсальные ценности» — суть экспансия Империи Добра в незападный мир? И всё равно миллионы рядовых граждан, пользователей Сети или телевидения игнорируют сказанное, а если даже и признают, то спокойно примиряются с фактом культурного экспансионизма. При этом порицая имперскую экспансию в принципе! В идеологической экспансии Империи Добра теория прогресса обрела своё высшее на данном историческом этапе воплощение: современная идеология не предполагает буквального отношения к себе [1], и являясь сублимирующей идеологией, самим фактом своего существования легитимизирует глобалистскую экспансию Империи Добра.

Всякая экспансия — явление уникальное для соответствующей эпохи и конкретного региона. От фактического геноцида до формирования колониальной демократии. Самая эффективная её форма — идеологическая. Она определяет «степень имперскости». Без идеологической составляющей любое большое государство — всего лишь большое государство. Бессмысленная тотальность.

Но экспансия сама по себе — лишь процесс политической активности. Она несамостоятельна в том смысле, что не может существовать без некоторой конечной точки. Эта точка — предел экспансионистского движения — гегемония. При этом гегемония как термин несёт в себе больший потенциал, является более эмоционально-окрашенным и смыслодержательным понятием, нежели экспансия, которая с точки зрения смыслов весьма примитивна. Можно сказать иначе: экспансия как средство и гегемония как цель. Но гегемония — сама по себе процесс. Но процесс уже определённый, процесс как некоторое фиксированное состояние, как то, что может служить итогом развития, в частности, имперского развития.

Завершая этот краткий обзор некоторых проблем явления экспансии при анализе имперских социально-политических систем, отметим следующее.

Всеохватывающая экспансия (в наши дни она называется глобальной) — то, что отличает имперскую экспансию от экспансии национального государства. Национальное государство, прежде всего в силу естествен-

ной ограниченности ресурсов, не в состоянии проводить полномасштабное экспансионистское развитие. В этом кроется одна из причин империофобии апологетов любого локального государства (в частности, национального). Отдельные индивиды порой склонны видеть в своём конкуренте все пороки человеческие только на том основании, что он сильнее или успешнее.

Экспансия — не застывшее, однажды достигнутое состояние, а тонкий и динамичный, непрерывный процесс. Последовательная экспансия всегда есть стремление к гегемонии. При этом «государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения» [2]. Возможность для имперской гегемонии появляется, таким образом, когда империя проводит экспансионистскую политику, а сама гегемония (легитимность, согласие), оправдывает и экспансию, и самое себя. Гегемония-легитимность возможна при проведении экспансии, а экспансия создаёт условия для воплощения гегемонии-состояния, легитимизируя изначальные условия такой гегемонистской политики. Экспансия-легитимность-гегемония находятся в имперской политике во взаимопроницающем состоянии как состояния одного процесса, который мы неоднократно называли Имперской Идеей. В этом про-

цессе важное значение принимает деятельность имперских элит, которые выступают в качестве источников коллективных фобий и мифов. Формируя имперскую идею, а затем направляя экспансию на её достижение, элиты достигают как гегемонии-состояния, так и гегемонии-легитимности. Развивая мысль Грамши, можно сказать, что граждане империи не могут воспринимать экспансию иначе как веру. А значит, гегемония есть воплощение этой веры.

Литература

1. Славой Ж. Возвышенный объект идеологии. — М.: Литературная газета, 1999. — С. 198.
2. Кара-Мурза С. Н. Манипуляция сознанием. — М.: Алгоритм, 2007. — С. 235.
3. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. — М.-СПб.: Ювента, 1995. — С. 355.
4. Тойнби А. Дж. Постигание истории. — М.: Айрис-Пресс, 2010. — С. 432.
5. Трофимчук Н. А., Свищев М. П. Экспансия. — М.: ЭКМО, 2000. — С. 25.
6. Трофимчук Н. А., Свищев М. П. Экспансия. — М.: ЭКМО, 2000. — С. 58.

Поступила в редакцию

18 апреля 2011 г.

Илья Игоревич Рогов – к.ф.н., доцент кафедры социологии Северо-Кавказской Академии государственной службы (СКАГС). Основные исследовательские интересы — социальная философия и сравнительная политология. Основным контекст научных работ автора касается имперской проблематики в историческом и социальном смыслах. На тему исследования империй автором опубликованы монография и ряд научных статей.

Ilya Igorevich Rogov – Ph.D., Candidate of Philosophy, docent of Sociology department in North Caucasian Academy of Public Services (NCAPS). Author's main research interests are in the field of social philosophy and comparative politology. Author's scientific researches are dedicated to the imperial problems, in the historic and social contexts. Author published a monograph and numerous articles, which are devoted to following problems.

344007, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70, академия СКАГС
70 Pushkinskaya st., NCAPS Academy, 344007, Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 (904) 34-54-723, +7 (951) 84-38-131; e-mail: what-dreams-may-come@narod.ru
